

ГЛАВА 13

Большая ирония

Объединение Р с J, E и D было даже более удивительным, чем объединение J и E друг с другом, которое состоялось веками ранее. Р был полемическим – он был законодательным ответом J и E. JE порочил Аарона. Р порочил Моисея. JE считал, что любой левит может быть жрецом. Р утверждал, что только те мужчины, которые были потомками Аарона, могут быть жрецами. JE утверждал, что существуют ангелы, животные иногда могли говорить, и что Бог может быть найден стоящим на камне или гуляющему в Эдемском саду. В Р ничего этого не было.

В то же время, D возник из круга людей, которые были настроены враждебно к Р, как Р-круги были настроены враждебно к JE. Эти две группы жрецов на протяжении веков боролись за полномочия жрецов, власть, доходы и легитимность.

А теперь кто-то объединил все эти работы воедино.

Кто-то соединил JE с произведением, которое было написано в качестве альтернативы ему. И этот человек не просто свел их бок о бок как параллельные истории. Он (или она) резал их, переплетая сложным образом. А в конце этого комбинированного и переплетенного между собой сборника законов и рассказов J, E и Р это лицо, как итог, разместило книгу Второзаконие, прощальную речь Моисея. Кто-то объединил четыре различные, часто противоположные источники настолько искусно, что пройдут тысячелетия для понимания этого.

Это был человек, создавший Тору, Пятикнижие Моисея, которое мы читаем более 2000 лет. Кто был этот человек? Почему он или она сделали это?

Это было первым вопросом этой книги: если не Моисей создал эти книги, то кто же?

Я думаю, что это был Ездра.

Жрец-ааронид

Человек, собравший четыре источника в Пятикнижие Моисея, известен как редактор. Проследить редактора труднее, чем любого из авторов источников. По большому счету редактор упорядочил уже существующие тексты, не создавая множество своих собственных, и поэтому существует слишком мало данных для того, чтобы пролить свет на то, кто он такой. Мы не имеем цельных рассказов или длинных групп законов, изучение которых способно показать – откуда он, какими были его интересы или кому он оппонирует.

Тем не менее, мы немного знаем об этом человеке. Начнем с того, что редактор происходит из круга жрецов-ааронидов. Он либо сам был жрецом, либо был связан с ними, и был привержен их интересам. Для такого вывода есть несколько причин.

Во-первых, он начал основные разделы своего произведения с историй или законов Р, и ни разу – с J или E. То, что сегодня является книгами Бытие, Исход, Левит, Числа, – все началось с жреческих текстов.¹

Во-вторых, он использовал жреческие документы как основу для своего произведения. Первым документом, который он использовал, была Книга поколений, более известная для читателей Библии как список "родословных", большинство из которых является одной из наиболее утомительных вещей в Библии. Она начинается так:

Это книга поколений человеческих²

Затем он перечисляет поколения людей от Адама до Иакова, рассказывая, кто кого породил, и указывая возраст людей в списке.

Френк Мур Кросс доказал, что Книга поколений сначала была отдельным документом. Человек, который собрал Тору, порезал документ на несколько частей, а затем рассеял эти части посреди книги Бытия.³ Этот механизм придал рассказам разных писателей организованности и непрерывности. Редактор взял часть документа, которая охватывает 10 поколений от Адама до Ноя, и поставил ее между рассказом об Адаме и

рассказом о Ное, потом он взял часть, которая охватывает 10 поколений от Ноя до Авраама и поставил ее между рассказом о Ное и рассказами о Авраама и т.д. Это придало рассказам книги Бытия разумные рамки, установив все в них в поток историй.⁴

Книга поколений была жреческим документом. Как и рассказы Р в книге Бытия, Книга поколений обращается к Богу по имени *Элогим*, а не *Яхве*. Как и рассказ о сотворении мира Р, Книга поколений говорит, что люди были созданы по подобию Божию.⁵ Как и много историй и законов Р, Книга поколений связана с повторяющимися деталями имен и дат.

То есть, редактор использовал жреческий документ для структурирования текста книги Бытия.

Редактор также использовал жреческий текст в качестве основы и для следующих пятнадцати глав Библии – рассказов о порабощения израильтян и исходе из Египта. Текст, который он использовал, был вариантом Р казней, которые Яхве наслал на египтян. Проще говоря, он использовал язык версии Р для предоставления единства разным источникам. В версии Р каждая из казней египтян сопровождалась словами:

*Сердце фараона ожесточилось, и он не послушал их, как и говорил Господь.*⁶

Редактор также вставил слова, похожие на эти, и в последующие казни в рассказах JE.⁷ Затем, когда он объединял истории казней Р и истории казней JE, общие окончания придали единство всему объединенному рассказу. Дело в том, что редактор использовал жреческие документы как главную основу своего произведения.

В-третьих, он добавил тексты от себя, и эти новые тексты были написаны типичным языком Р и выражают интересы Р. Я остановлюсь на некоторых из этих текстов ниже, я перечислил все из них в Приложении. А теперь достаточно сказать, что они по своему языку так похожи на тексты Р, что в течение долгого времени исследователи считали, что они сами были частью Р.

Профессор Кросс пошел еще дальше. Он заключил, что Р и R (редактор) – это практически одно и то же. Он утверждал, что в потоке рассказов Р присутствуют значительные пробелы. Поскольку рассказ Р неполный, и структура произведения пришла из жреческих документов, Кросс пришел к выводу, что отдельного источника Р

никогда не существовало. Вместо этого, говорил он, один человек (или круг людей) в первую очередь написал части Р Пятикнижия вокруг частей JE. Этот же человек создал остов, который держал все рассказы вместе. Редактирование и написание жреческих документов – это все один процесс.

Я не согласен с моим учителем по этому поводу. Как указано в предыдущих главах, рассказы Р кажутся мне непрерывным и последовательным повествованием. Если отделить от него J и E, мы сможем прочитать этот рассказ практически без разрывов. Там, где разрывы имеют место, они понятны с точки зрения интересов жреческого автора, как я и описал в предыдущей главе. Если мы посмотрим на библейскую историю потопа с двумя разделенными источниками, мы можем увидеть, что каждая история является завершённой. Аналогичным образом обстоит с рассказом о восстании (Корея, Дафана, Авирона). Аналогичным образом обстоит и с двумя историями расхождения вод Красного моря, и с двумя рассказами о событиях на горе Синай. В каждом случае жреческий рассказ не является написанным вокруг J или E рассказа. Скорее, он представляется оригинальным, непрерывным, последовательным рассказом, который кто-то другой объединил с более ранней версией. Кроме того, вопрос в том, что истории Р являются альтернативными версиями историй J и E. Какой смысл в написании этих альтернативных историй жреческого автора, если он соединил их с большинством текстов, которым они альтернативны?

Тем не менее, я его убедил в том, что жреческий писатель и редактор были двумя разными лицами, я также убедил профессора Кросса в том, что редактор сам был из жреческой семьи ааронидов и использовал жреческие документы и жреческую терминологию.

Существует способ отличить настоящие тексты Р от вставок жреческого редактора, на котором я остановлюсь ниже. Но, опять же, дело на данный момент в том, что редактор происходит из той же группы, что и писатель Р. Его труд явно выражает озабоченность проблемами и интересами жрецов, он использовал язык Р, он начал каждый основной раздел своего произведения текстом Р, и он оформил рамку своего произведения жреческими документами.

В действительности это не удивительно, что редактор был жрецом. Большинство историй и все законодательство, которые мы рассматривали до сих пор, оказались

жреческими (Е, Р и D). Жрецы имеют доступ к документам и религиозную власть для обнаружения документов. Частью официальных обязанностей жрецов было обучать законам и традициям.⁸ Вполне естественно, что жрецы, которые создали Р и Девтерономическую историю (которая, вероятно, включает JE), передавали свои труды другим жрецам, и что эти документы могли быть сохраненными в жреческих кругах. Затем настал тот момент в истории, когда жрец понял значение объединения их вместе.

В дни Второго Храма

Этот момент наступил в дни Второго Храма. Источники – J, E, P и D (Dtr¹ и Dtr²) – не были полностью завершены к тому времени. Кроме того, если мы посмотрим на то, *что* этот жрец добавил к этим источникам, мы можем увидеть ключи, даже более точно указывающие на момент создания окончательного произведения.

Например, он добавил главу 15 книги Чисел. Это глава законов, которые отличаются от другого жреческого законодательства. По разным причинам она была вставлена между главами, которые содержат рассказы, а не среди других законов. Она находится между историей о разведчиках и историей восстания, написана традиционным жреческим языком, и речь идет о типичном жреческом интересе – жертвоприношении.

Это очень типично. Это касается регулярного всесожжения, праздничной жертвы, жертв по обету и отдельных жертв за грехи по ошибке. Эти все вещи уже были рассмотрены в Р.⁹ Этот раздел в значительной степени является дублированием, он повторяет то, что уже было сказано, добавляя некоторые предложения в перечень жертв.

Но есть одна поразительная разница – глава 15 ни разу не упоминает Скинию.

Отсутствие каких-либо упоминаний о Скинии в тексте, который дублирует жреческие законы о жертве, не случайно. В других местах Р снова и снова подчеркивается, что Скиния имеет решающее значение для жертвоприношения. Там невозможно никакое жертвоприношение кроме как перед входом в Скинию. Этот другой текст, Числа 15, как представляется, появляется с того времени, когда жрецы уже не могли настаивать на присутствии Скинии при жертвоприношении. Он подходит для дней Второго Храма, когда Скинии больше не существовало.

Во Втором Храме не было ни Скинии, ни херувимов, ни ковчега. И все же жертвы там приносились. Глава 15 книги Чисел создает впечатление текста, который создает связь между старыми днями и новыми, между Первым храмом и Вторым. Он должен быть написанным в Иерусалиме как закон второго храма, или еще в вавилонском изгнании – как программа на будущее.

Существует еще одна, более показательная вставка. Источник Р дает законы о праздниках в книге Левит (глава 23). В ней текст содержит список из трех главных праздников – праздника Пасхи, праздника седмиц и праздника Кущей, а также Нового года и праздника Искупления. Этот перечень праздников четко определен. Он начинается (в стихе 4) и заканчивается (в стихе 37) словами «*Это праздники Яхве*». Но затем, двумя стихами ниже после окончания списка (в стихе 39), вдруг появляется еще один закон об одном из праздников: праздник Кущей. Этот дополнительный закон, оторванный от всех других законов о праздниках, говорит о том, что это праздник, который называется "Кущи" (на иврите: Суккот), когда люди должны строить кущи (т.е. лачуги, палатки) и жить в них на протяжении недели. Текст говорит, что эта практика служит напоминанием людям о том, что их предки жили во временных строениях в пустыне после того как они вышли из Египта. Текст перечисляет список видов деревьев, которые необходимо использовать на этом празднике.¹⁰

О чем это? Почему этот один закон о конкретной практике одного праздника указан отдельно после окончания раздела праздников? Ответ лежит во времени Второго Храма. Согласно книге Неемии, когда Ездра собрал людей возле Водяных ворот для чтения Торы, они нашли в Торе то, что, наверное, было совершенно новым для них – закон, который приказывал фактически проживать в лачугах на праздник кущей. Текст недвусмысленно показывает – этот закон никогда ранее не выполнялся за всю историю страны. В нем говорится:

*Сыны Израилевы не делали этого со времен Иисуса сына Навина до сего дня.*¹¹

Теперь этот случай во времена Ездры ссылается на отрывок в книге Левит о кущах. Он даже вспоминает те же виды деревьев, которые перечислены в книге Левит. Итак, мы видим странным образом размещенный закон в книге Левит, и мы должны

сообщить, что этот странным образом размещенный закон никогда не был частью жизни людей или традиций до времен Второго Храма. Это согласуется с другими доказательствами того, что заключительный этап формирования Пятикнижия Моисея состоялся во времена Второго Храма.

Это имеет большое значение. Времена второго Храма – это времена, когда жрецы-аарониды были у власти. Больше не существовало царей. Конкурирующие жреческие группировки были устранены. Нет ничего удивительного в том, что жрец-ааронид времён Второго Храма должен был быть редактором окончательного произведения. Это было время, как никогда раньше, когда жрецы имели власть обнародовать произведение и навязать его народу.

Ездра

В частности все эти возможности имел один жрец-ааронид – Ездра. Он имел поддержку императора. Он имел полномочия. Хотя он и не был первосвященником, но имел огромный авторитет. И его авторитет был напрямую связан со свитком, который он принес в Иудею, свиток, который определяется как "*Тора Моисея, которую дал Яхве, Бог Израиля*".¹²

Как я уже говорил в главе 8, во всей Библии есть только два человека, известных в качестве законодателей: Моисей и Ездра. Ездра был жрецом, законодателем и *писцом*. Он имел доступ к документам. И библейская биография Ездры недвусмысленна в отношении интересующих его документов. В ней говорится:

*Ездра расположил сердце свое к тому, чтобы изучать закон Господень ...*¹³

В ней также говорится:

*Он был книжник, сведущий в законе Моисеевом, который дал Господь, Бог Израилев.*¹⁴

В ней также сообщается, что император поручил ему обучать и обеспечивать

*закон Бога твоего, находящейся в руке твоей.*¹⁵

Впервые, когда мы находим полную Тору Моисея в Иудее, – она во владении Ездры. Он искал ее, он был писцом, который работал с ней, он лично принес ее в Иерусалим, и он лично осуществил первое публичное чтение этой книги. И когда он читал ее народу, люди услышали то, чего они никогда не слышали раньше.

Это не значит, что человеком, который закончил Пятикнижие Моисея, непременно должен быть Ездра. Но он оказался из соответствующего жреческого рода, соответствующей профессии, в нужном месте, в нужное время, обладающим необходимым авторитетом и с первым известным экземпляром книги в руках. Если даже Ездра сам не написал этот труд, то это сделал кто рядом с ним – родственник, коллега по жречеству, товарищ-писец, потому что это произведение не могло быть написано задолго до его появления с ним в Иудее. Когда он пришел в Иерусалим, Храм стоял всего лишь около одного поколения.

В свете всего этого привлекает то, что давняя традиция о Ездре и Торе Моисея действительно существовала. Она гласит, что первоначальный свиток Торы (и других книг Библии) сгорел в огне во время разрушения Храма в 587 году до н.э., но Ездра сумел восстановить его благодаря полученному откровению. Эта традиция представлена в произведении, которое называется Четвертой книгой Ездры. Эта книга не является частью Библии. Это, скорее, часть сборника, известного как Псевдоепиграфы – это произведения, написанные христианами и иудеями между 200г. до н.э. и 200г. н.э. Четвертая книга Ездры появляется примерно с 100 года н.э. В ней Бог общается с Ездрой из куста. Ездра говорит:

*Мир лежит во тьме, и его жители без света, потому что закон твой сожжен и никто не знает вещи, которые были сделаны либо будут сделано тобой. Ибо, если я нашел милость пред тобою, всели в меня святого духа, и я напишу все, что произошло в мире с самого начала, все вещи, которые были написаны в твоём Законе.*¹⁶

После этого Ездра в течение сорока дней начитывает утраченные тексты. Не переоценить значение этого относительно позднего текста, а именно то, что уже в древности Ездра ассоциировался с написанием священного текста. Даже Иероним в четвертом веке н.э., сказал:

*... Моисея ли захочешь назвать автором Пятикнижия или Ездру, восстановителя этого произведения, — не противоречу.*¹⁷

Современные исследователи также иногда выражают предположение, что именно Ездра был человеком, который завершил Пятикнижия Моисея. При современном уровне наших знаний, мне кажется, что все данные с высокой вероятностью указывают на Ездру, жреца, писца, и законодателя, прибывшего в землю обетованную с Торой Моисея в руке.

Объединение

Но, таким образом, исследователи девятнадцатого века, которые утверждали, что жреческий писатель жил во времена второго Храма, были частично правы. Окончательная жреческая рука этих текстов была приложена к ним в те времена Его жреческий источник (P) был из ранних времен (Езекии).

Почему он это сделал? Почему совершил эту необычную иронию – соединил тексты, которые были диаметрально противоположны друг другу?

Он сделал это, наверное, по тем же причинам, по которым были объединены J и E около 250 лет до того. К тому времени все его исходные тексты были известны. J и E существовали на протяжении многих веков и были цитируемы в D. P существовал со времен Езекии, он ассоциировался с национальной реформой, и он пользовался поддержкой жречества, которое было у власти. D был публично прочитан во времена Иосии, и в нем содержался закон, требующий, чтобы его снова публично читали каждые семь лет.¹⁸ Как редактор мог выбросить любого из них? На кону стоял вопрос положительного восприятия книги. Кто бы поверил, что это Тора Моисея, если она не

включает знаменитые истории об Адаме и Еве (J), золотом тельце (E), Финеесе (P) и прощальную речь Моисея (D)?

Кроме того, существовали общины, которые поддерживали эти разные тексты. Жрецы-левиты Силома, написавшие E и D, возможно, и не имели жреческих полномочий во времена Второго Храма, но это не значит, что они не существовали. Они все еще могли поднять свои голоса и оспорить подлинность Торы, которая не включает их тексты. Действительно, объединение в этот период всех источников могло произойти в качестве компромисса между различными фракциями израильско-иудейского общества.

Остается вопрос, почему редактор смешал их все вместе. Почему бы просто не сохранить их все бок о бок как четыре Евангелия Нового Завета? Разница в том, что во времена Ездры все эти источники, пожалуй, стали приписываться Моисею. Что оставалось делать редактору? Он не может иметь два или три различных текста, все приписываемые Моисею, особенно когда они иногда противоречат друг другу. И он взял на себя огромную, сложную и ироническую задачу объединения этих альтернативных вариантов той же истории в один труд.

Метод

Как один человек решился на такую задачу? Это не могло быть сделано в соответствии с существующими принципами, потому что это было одновременным усилием, уникальным, ответом на совершенно конкретные потребности в конкретный момент истории. Это не могло быть сделано каким-то систематическим образом, потому что исходные тексты были слишком разнообразны. Они были прозаическими и поэтическими. Они содержали рассказы, законы, списки и архитектурные инструкции. Человек, который намеревался соединить их, должен был обладать исключительной литературной чувствительностью и исключительными навыками. Он должен был иметь ощущение того, к каким противоречиям читатели будут терпимы, а к каким – нет. Он должен был сделать неровные края гладкими, чтобы отрывки рассказов, которые никогда не были вместе, были удобны для восприятия.

Его единственным стремлением, судя по всему, было сохранить по возможности больше оригинальных текстов без невыносимых противоречий. Свидетельством этого является то, что, когда мы отделяем части JE от P в книгах Бытия, Исход, Левит, Числа, каждая часть течет разумно сама по себе с очень немногими пробелами в своем повествовании. Существуют некоторые признаки того, что редактор ничего не вырезал.

Он должен был решить проблемы, связанные с различного рода противоречиями и повторениями на каждом новом витке. Он не мог начать с какого-то одного метода всеобъемлющего решения. Не было сделано ни одного критического приговора. Он должен был сделать сотни правильных решений для того, чтобы превратить свои различные источники в непрерывное понятное повествование.

Его первым решением было, что делать с двумя историями творения. Он решил оставить их обе, одну к другой. Первая – Бытие 1 (P), имеет более широкий, более космогонический вид, а вторая (J) – более приземленного вида, ориентированная на человека. Расположенные рядом друг с другом они, скорее, выглядят широкой презентацией основных актов о создании, которые сосредоточены на ее конкретных аспектах. Тот факт, что порядок событий изменился, и что изменилось имя божества, видимо, не беспокоил его. Это не является обвинением против его логики или его мастерства. Ему просто удалось привыкнуть к такого рода событиям, как и его читателям в течение следующих двух тысячелетий.

Затем в повествовании появляются истории J Адама и Евы, Каина и Авеля. Эти истории включали в себя тесные личные контакты с божеством, а также херувимов (*настоящих*, а не статуй),¹⁹ могущественные растения (дерево жизни, дерево познания добра и зла) и говорящего змея. P не имел замен для таких историй, таким образом, редактор не имел выбора и просто поместил тексты J после двух историй творения.

Потом он вставил из Книги поколений первые 10 родословных, которые заканчивались Ноем.

В этот момент для редактора наступил первый реальный вызов его уникальной задаче. У него были две истории потопа. Они обе были полными. Они имели определенные сходства и кричащие различия. История потопа J была о дожде продолжительностью сорок дней. История потопа P была о годовом всемирном кризисе. История J содержала 14 чистых животных и 2 нечистых. История P содержала каждых

животных по паре. История J в конце содержала Ноя, рассылающего трех голубей (или одного голубя три раза). История P содержала одного ворона.

У редактора не было возможности поместить эти две истории одна за другой, как он это сделал с историями творения. Но, пожалуй, он и не был готов отказаться ни от одной, ни от другой. И вот он попытался объединить их в одну историю, которая бы имела здравый смысл и по-прежнему была бы хорошим повествованием. Его конечным продуктом был первый текст, который я использовал в этой книге (глава 2, стр. 48-52).

Он вырезал две истории и прекрасно соединил вместе соответствующие отрывки. Теперь дождь в J, выглядит ни чем иным, как описанием вод, выплёскивающихся сквозь небесную твердь P. Теперь "*каждых по паре*" животных в P следовало понимать так, что 14 каждого из чистых животных J пришли в ковчег "по паре". Теперь считалось, что ворон из P улетел из ковчега и не возвратился, так что Ной должен был отправить голубей для того, чтобы увидеть, спал ли потоп. Это был блестящий синтез двух историй, возможно, полностью без удалений слов одного из оригинальных текстов. И он работал в течение двух с половиной тысячелетий.

Этот метод сегментации рассказов и объединение соответствующих частей вместе работал так хорошо, что редактор использовал его для объединения рассказов P о Корее с рассказом JE о Дафане и Авироне. Он также использовал его для описания истории о разведчиках, истории египетских казней и истории разделения Красного моря.

Но он не ограничивался этим методом. В некоторых случаях он решил разрезать рассказ P на несколько небольших частей и распространил эти части среди нескольких историй JE. Таким образом, он рассеял компоненты P сюжета об Иакове и Исаве среди гораздо более длительного изложения JE о братьях-близнецах. Он сделал то же самое с короткой записью P о переселении в Египет, распространяя её части среди четырнадцати глав повествования JE об Иосифе.

В случае истории о восстании в Фегоре, как мы видели, он вырезал начало рассказа P и конец истории JE для создания нужной ему непрерывности. Разве его волновало то, что обольстительная женщина была моавитянкой в первой половине рассказа и мидианиткой во второй половине? Оказывается, нет.

В других случаях, он решил разделить две дублированные версии одной истории, таким образом изображая их как отдельные события. Например, он расположил

историю JE о завете с Авраамом в Бытие 15 и историю о завете P в Бытие 17 с другим рассказом между ними двумя. И вот теперь две версии завета Авраама стояли так, что стали описанием двух отдельных встреч между Богом и Авраамом. Еще более драматичным было разделение редактором двух историй получения Моисеем воды из скалы. JE версия в настоящее время находится в Исход 17. Версия P начинается двумя книгами позже, в Числа 20. Разделенные, они появляются, чтобы рассказать о двух разных случаях, разделенных годами и расстоянием, хотя оба они происходят в местах с тем же названием.

Таким образом, к некоторым повторам и противоречиям он был терпим, а к некоторым – нет. Он не был готов получить два потопа, каждый из которых уничтожил весь мир за исключением человека по имени Ной. Но он был готов получить Моисея, который ударяет о две скалы в двух местах под названием Мерива. Он был готов получить Моисея, который повторяет Десять заповедей в своей прощальной речи в Второзаконии 5, хотя в ней их появление отличается от того, как они появились в книге Исход 20. В Исход 20, четвертая заповедь:

Помни день субботний, чтобы святить его . . . ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его. ²⁰

Но в Второзаконии, когда Моисей повторяет заповеди, он говорит, как это было:

Соблюдай день субботний, чтобы свято хранить его . . . и помни, что ты был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботний. ²¹

Первый вариант – из P, и он цитирует рассказ P о сотворении мира для объяснения причины соблюдения субботы, потому что Бог отдыхал на седьмой день. Второй вариант – от D, и он предоставляет общую причину D для соблюдения заповедей:

потому что Бог освободил вас от рабства. Для редактора и его читателей две различные формулировки одной и той же заповеди были похожими. (Интересно отметить, что один из свитков Мертвого моря нарушает эти два документа и просто перечисляет бок о бок обе причины для соблюдения субботы).²²

При всем этом ни один метод не регулирует этот процесс. Тексты редактора были разнообразными и сложными, редактор был достаточно умным и достаточно умелым для обработки каждого случая в соответствии с его решением о том, *что* именно необходимо.

Последовательность

Редактору все еще предстояло придать всему сборнику отрывков внятной организации. Должна была быть непрерывность. В частности, непрерывность была обусловлена природой самих текстов. Что сделало все рассказы естественно соединенными друг с другом, так это то, что они все были вмонтированы в историю. Все тексты описывают события в том порядке, в котором они были понятны, располагались в исторической последовательности.

Это может показаться настолько очевидным, что может быть мелочью для нас. Но это только потому, что мы живем в постбиблейском (и постэллинистическом) мире. Библия была первой попыткой создания письменной истории. Мы можем спорить о том, является ли она хорошим историческим писанием или плохим, я бы сказал, что в основном очень хорошим, но факт остается фактом, что это первое историческое писание. Единственное, что приближается к ней на древнем Ближнем Востоке, это царские летописи, такие как надписи на Призме Сеннахирима, в которых запечатлены военные кампании царей, наименования завоеванных мест и захваченные трофеи. Но они больше похожи на отчеты и списки, чем на реальную историю. Первыми известными объемными трудами по национальной истории точно были источники, собранные этим редактором.

Редактор вмонтировал эти источники в поток истории используя три документа. Первым является Книга Поколений. Он прервал свой длинный отчет о том, кто кого

родил, а затем распространил выдержки в соответствующие места в рассказах от Адама до Иакова. Делая это, он придал исторической последовательности всей книге Бытия.

Вторым документом, который он использовал, был рассказ Р о египетских казнях. Он использовал его язык "*Сердце фараона ожесточилось*", как рамку, которая объединяла различные JE и P истории исхода из Египта. Эта структура охватывает первые 12 глав книги Исход до момента исхода народа из Египта.²³

Его третьим документом был список остановок, которые сделали израильтяне на протяжении сорока лет в пустыне. Этот маршрутный список в настоящее время размещен в книге Чисел, глава 33. Он начинается прямым указанием:

Вот станы сынов Израилевых, которые вышли из земли Египетской

Затем он переходит к каждому месту в списке, которым они шли, начиная городом Раамсесом в Египте, продолжая через все их стоянки в пустыне и заканчивая их прибытием к реке Иордан, порогу земли обетованной. Большинство библейских ученых считали, что этот список является лишь перечислением всех мест, упоминаемых в рассказах до этого момента, но Фрэнк Кросс показал, что список был первоначально самостоятельным документом, таким как Книга Поколений. Редактор использовал этот список в качестве основы для пустынных историй так же, как он использовал Книгу Поколений для истории книги Бытия и рассказ Р о наслании бед для египетских историй. Он распространил выдержки из списка путешествий людей посреди текста, расположив каждый из своих рассказов в соответствующем месте. Это придало определенной последовательности книгам Исход (начиная с главы 12), Левит, Числа, такой, которую он придал книге Бытие.²⁴

Второзаконие уже было непрерывной частью, которая описывала последние слова и действия Моисея. Все, что необходимо было сделать редактору, так это поместить рассказы JE и P о смерти Моисея в конец Второзакония. Последняя глава Второзакония (глава 34) в настоящее время является комбинацией всех трех версий смерти Моисея (JE, P и D).²⁵ Вклад редактора также включал добавления его неожиданных стихов для увеличения переходов и соединений его источников, а также уточнение или подчеркивание тех моментов, которые были особенно важны для него. Он также

добавил несколько отрывков, которые были важны в те времена, в том числе законы о жертве в Числа 15, закон о куцах, отрывок, подчеркивающий значение субботы,²⁶ и отрывок о возвращении из изгнания.²⁷

Этот редактор был жрецом-ааронидом, как и человек, который создал Р. Но, по иронии судьбы, его задача была полной противоположностью задаче предыдущего автора. Человек, который создал Р, сформировал свое произведение в качестве альтернативы предыдущим источникам (JE). Редактор сформировал произведение, которое бы согласовало противоположные источники. Это был ключ, который я нашел, который, считаю, наряду с другими доказательствами, позволит разделить Р и работу редактора друг от друга. Тексты Р боролись с другими источниками. Текст редактора охватил их все.

Первая Библия

Когда редактор включил Второзаконие в числе своих источников, он добился дополнительного эффекта, которого он может даже не планировал. Второзаконие теперь было одновременно последней книгой Торы и первой книгой Девтерономической истории. Теперь получилась естественная последовательность от книги Бытия до конца 4-й Книги Царств. Американский библейский ученый Дэвид Ноэл Фридман назвал одиннадцатикнижное непрерывное повествование Первичной Историей (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, Иисус Навин, Судьи, 1 – 4 Царств). Кроме того, он назвал его "Первой Библией".

Это действительно полезный способ взглянуть на нее. Первичная История образовала ядро, вокруг которого была построена остальная Библия. Она рассказала историю о событиях, которые заложили основу для всего, что должно было произойти позже: творение мира, рождение людей, расселение по земле, основание мессианской линии (помазанных на царствование. – *прим. перев.*). В ней содержатся четыре основных завета (с Ноем, Авраамом, Моисеем и Давидом). Разных пророков можно понять на фоне истории, которую она рассказала. Исайю можно лучше понять, если рассматривать его на фоне царствования Езекии, во времена которого он жил. Иеремию можно лучше понять на фоне Иосии. Остальные книги Еврейской Библии (Ветхого Завета) и Нового Завета также стали понятны общинам, которые сохранили их в

контексте центральных событий Первичной Истории. Вот почему я решил сосредоточиться здесь на этих конкретных книгах, и поэтому труд редактора был таким важным для формирования Библии.

Искусство за искусством

Редактор, которого я отождествляю с Ездрой, оказался наименее оцененным из вкладчиков в Моисеево Пятикнижие. Обычно больше внимания уделяется авторам историй и законов. Это может быть несправедливым. Редактор был по-своему таким же художником, как и авторы J, E, P, D. Его вклад, безусловно, такой же существенный, как и их. Его задача была не просто сложной, она была творческой. Она требовала мудрости и литературной чувствительности на каждом шагу, а также навыков, не меньших, чем искусство рассказывать истории. Наконец, он был одним из тех, которые создали труд, который мы читали все эти годы. Он придал окончательную форму рассказам и законам, которые многообразно влияют на миллионы людей.

Это его влияние? Или это влияние авторов источников? Может, правильней было бы говорить о литературном сотрудничестве всех этих вкладчиков, сотрудничестве, о существовании которого большинство из них даже никогда не знали? Сколько парадоксов содержится в этом сотрудничестве, которое было распространено в течение веков? Сколько новых событий и идей возникло благодаря объединению всех их вкладов?

Короче говоря, вопрос последней главы этой книги будет такой: не является ли Библия чем-то большим, чем просто суммой её частей?